

Сравнительный анализ китайского и американского вариантов «Нового Шелкового пути»

© 2017

Ли Син, Нью Ичэн

В статье сопоставляются китайский проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и американская New Silk Road Initiative. На основе собственного анализа авторы установили, что трактовка функций и задач «Шелкового пути» у Китая и США расходятся, мера открытости двух проектов, позиционирование в отношении России, Монголии и государств Центральной Азии также неодинаковы. Так, если в рамках ЭПШП для России открыто обширное пространство сотрудничества, то одной из задач New Silk Road Initiative изначально было сдерживание России.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), New Silk Road Initiative, Евразия, Афганистан, ЕвразЭС, сдерживание Китая и России.

Издревле возникшее¹, словосочетание «Великий шелковый путь» с наступлением XXI в. вдруг ожило, получило хождение во многих странах, чему способствовало окончание холодной войны с сопутствующей активизацией международного экономического сотрудничества.

Стратегическую концепцию Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) Председатель КНР Си Цзиньпин огласил при посещении Университета Назарбаева в Астане в сентябре 2013 г. Мотивировка им этой идеи произвела фурор в мире. Указав на «новую жизнеспособность древнего Шелкового пути», глава КНР призвал страны Евразийского континента, прилегающие к его маршруту, объединить усилия «для постепенного формирования крупномасштабного регионального сотрудничества», «более тесных экономических связей» и «более обширного взаимодействия»².

Но за два с половиной года до этого, в июле 2011 г., Хиллари Клинтон (будучи тогда госсекретарем США) озвучила в г. Ченнае (Индия) альтернативный вариант возрождения «Шелкового пути» со сходным наименованием — New Silk Road Initiative³, что не могло остаться незамеченным в Китае. Так, в научном журнале «Лилунь юй шицзянь» («Теория и практика») в октябре 2012 г. (т.е. примерно через год после выступления Клинтон в Ченнае и за год до речи Си Цзиньпина в Астане) вышла статья под заглавием

Ли Син, профессор Пекинского педагогического университета, руководитель Центра изучения Евразии. E-mail: xingli530@sina.com;

Нью Ичэн, доктор политических наук, научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы Китайской академии общественных наук.

Статья подготовлена при поддержке Государственного Фонда общественных наук (проект 14BGJ039) и Фонда общественных наук г. Пекина (проект 13KDB039).

«Краткий анализ американской стратегии нового Шелкового пути», содержащая обстоятельную характеристику New Silk Road Initiative.

Используя выгоды географического положения Афганистана, отмечал автор, США решили сформировать там логистический торгово-транспортный узел, наладить транс- региональную интеграцию и товарообмен с охватом Центральной и Южной Азии. Одновременно Вашингтон рассчитывает смягчить посредством этого проекта напряженность в Афганистане, уладить проблемы его государственности и развития после вывода американских войск (намечавшегося на 2014 г.). Налицо и стремление переориентировать страны Центральной Азии от Китая и России к США, ослабить влияние Китая и России в Индии и Пакистане.

Несходство целей, планов, масштабов

Если Китай с его идеей ЭПШП опирается на многовековые исторические, культурные, религиозные связи в пределах Евразийского материка, то «Шелковый путь» по-американски не располагает на этих пространствах никакими культурно-историческими, географическими корнями. Еще важнее при сопоставлении двух проектов — существенные различия, их весомость в международно-политическом плане.

ЭПШП несравненно внушительней и по масштабам, и по структуре, и по содержанию. Им предусмотрены шесть трансграничных экономических коридоров: Китай — Россия — Монголия; Китай — Центральная Азия; Китай — Центральная Азия — Персидский залив; Китай — Пакистан; Китай — Индия — Бангладеш — Мьянма; Китай — Юго-Восточная Азия.

Тибетское нагорье в проекте ЭПШП также не игнорируется.

Государство вкладывает в реализацию ЭПШП крупные средства. Этот проект состыкуется с государственной стратегией и с внутренним развитием Китая. Его цель — связать Европу и Азию на принципах совместного развития, общей пользы и совместной выгоды. Тем самым, его наименование можно трактовать как адекватное издревле сложившемуся брэнду «Шелковый путь».

Приоритеты ЭПШП — экономика и торговля, дополняемые проблематикой культуры, безопасности, политики. В отличие от этого, в американской *New Silk Road Initiative* на первых местах — проблемы терроризма и безопасности. Направляют связанную с этим проектом деятельность ведомства дипломатии и безопасности. С внутренним развитием страны, как и с ее национальной стратегией, этот американский проект, по сути, не состыкуется.

Концепция Китая жизненно важна, во-первых, для самого Китая, ибо нацелена прежде всего на стимулирование экономического развития его центральной и западной территорий, на снижение зависимости от морских перевозок при товарообмене с внешним миром, на укрепление региональной стабильности в ближнем зарубежье к западу от его границ. Будучи переброшен через евразийский континент, ЭПШП представляет собой трансрегиональный экономический коридор⁴, соединяющий Китай, Центральную Азию, Западную Азию и Европу в направлении Восток — Запад, тогда как побуждения Соединенных Штатов локализованы на Афганистане, на Южной и Центральной Азии. Наконец, в число целей американского проекта входит сдерживание Китая и России в Центральной Азии.

В отличие от противоречивых концепций *New Silk Road Initiative*, ЭПШП вместе с «Морским Шелковым путем XXI века»⁵ предусматривает трансконтинентальное сотрудничество во всех жизненно важных сферах Евразии.

Роль этих проектов во внешней политике КНР и США

Исходная задача Экономического пояса Шелкового пути состоит, как уже говорилось, в содействии социально-экономическому развитию отсталых регионов Центрального и Западного Китая. К тому же, ЭПШП сулит внести весомый вклад в региональную безопасность. Особого внимания заслуживает следующее: китайский Синьцзян традиционно сталкивается с вызовами «трех зол» (терроризма, сепаратизма, экстремизма), тесно связанных с зарубежными радикальными группировками. Ликвидация почвы произрастания «трех зол» возможна, прежде всего, через совместное развитие Центрально-Азиатского региона в целом. Формирование коллективного механизма углубления экономического сотрудничества со странами, расположенными вдоль традиционного Шелкового пути, есть первостепенная задача ЭПШП.

Что же касается проекта Соединенных Штатов, то ему предначертана вспомогательная роль в усилиях по укреплению их статуса мирового гегемона (включая решение афганских проблем, связанных с давно уже намечаемым выводом оттуда вооруженных сил НАТО).

Нельзя не заметить сопутствующую всему этому двойственность: с одной стороны, США жаждут выбраться с помощью своей Silk Road Initiative из афганского тупика, с другой — не прочь максимально усилить свое присутствие в Афганистане и всей Центральной Азии. Выходит, что под видом поддержания своих стратегических интересов администрация США продвигает «инициативу» сугубо тактической (но не стратегической) значимости.

Итак, наш вывод: анализируемые здесь проекты «нового Шелкового пути» занимают неодинаковые места в «рейтинге» внешнеполитической стратегии двух держав. Проект КНР относится к ключевой сфере в макро-стратегии ее развития, американский — к сфере периферийной. То есть ЭПШП есть нечто более гармоничное и устойчивое, чем Silk Road Initiative.

Чтобы реализовать поставленные цели и задачи в рамках Экономического пояса Шелкового пути Китай готов всемерно усиливать свою конструктивную роль, смело принимая на себя соответствующую ответственность за региональное развитие⁶.

Степень открытости двух проектов

ЭПШП предусматривает открытое вовне, чуждое рецидивов изоляционизма экономическое сотрудничество, что наглядно отражают его принципы.

Во-первых, проект открыт для вступления в него других стран. Китай приветствует вступление в ЭПШП всех стран, расположенных вдоль его маршрутов. При этом, ратуя за то, чтобы как можно больше стран присоединялось к сотрудничеству на принципах взаимной пользы и общей выгоды, Китай не намерен доминировать в ЭПШП в роли хозяина, он призывает все страны-участницы активно выявлять свою роль, сообщая создавая оазисы процветающей экономики.

В отличие от этого, Silk Road Initiative представляет собой закрытый, изоляционистский механизм под эгидой США, которые сами подобрали угодных им партнеров, а именно: пять стран Центральной Азии, Афганистан, Пакистан и Индию. Две крупнейшие державы евразийского пространства, Китай и Россия, Соединенными Штатами как партнеры в их проекте не присутствуют.

Китай в процессе строительства ЭПШП стремится исходить из новой формулы равноправного сотрудничества, руководствуясь такими принципами, как «меньше брать, больше давать», «общие интересы, общая судьба, общая ответственность» и пр. Это благоприятствует состыковке ЭПШП со стратегиями развития сопредельных стран — в частности, со стратегией поддерживаемого Россией Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС)⁷. То есть, подход Китая коренным образом отличается от ряда региональных

интеграционных проектов, что осуществляются под эгидой нынешнего мирового гегемона с целью экономического и политического доминирования в той или иной стране⁸.

Позиции в отношении России и Монголии

Как ЭПШП, так и Silk Road Initiative территориально ориентированы на сердцевину Евразии — на тот самый регион, где Россия традиционно была метрополией, а ныне является страной-драйвером евразийской интеграции. Для создателей обоих проектов «нового Шелкового пути» эти два обстоятельства должны были бы послужить, как минимум, поводами для серьезных размышлений. Но позиции США и КНР в отношении России противоположны.

Китай и Россия ныне связаны узами всестороннего стратегического партнерства, о чем красноречиво высказался председатель КНР Си Цзиньпин при встрече с президентом России В.В. Путиным во время Зимних Олимпийских игр в Сочи: «Китай и Россия — хорошие соседи, хорошие партнеры, хорошие друзья»⁹.

Китай в полной мере осознает озабоченность России относительно ее исторических связей и современных интересов в Центральной Азии, уважает и признает ее особые интересы и статус в этом регионе¹⁰. Он приветствует участие России в проекте ЭПШП, совместное с ней участие в строительстве трансконтинентальной зоны со стабильной и процветающей экономикой. Это сулит обеим державам огромные выгоды не только в экономике, ведь формирование в их ближнем зарубежье пояса стратегической стабильности благоприятствует и Китаю, и России. Короче говоря, Китай предоставляет России обширное пространство сотрудничества в рамках Экономического пояса Шелкового пути.

Что же касается американской Silk Road Initiative, то ее главенствующей задачей изначально было сдерживание России. Идея транспортировки углеводородов в Индию через Афганистан в значительной мере обусловлена расчетами США предотвратить использование новых российских трубопроводов при экспорте среднеазиатскими странами их энергоресурсов, ограничить зависимость стран Центральной Азии от России, подорвать их связи с Россией. Судя по всему, американский истеблишмент, будучи не в состоянии порвать с логикой холодной войны, по-прежнему пользуется той методологией «сдерживания», что некогда наработывалась против СССР.

ЭПШП, в отличие от американской New Silk Road Initiative, привлек к своему проекту и Монголию, у которой, между прочим, налицо немало общего и с Китаем, и с Россией.

В этих трех странах можно увидеть сходные пейзажи, все три относятся к числу крупнейших материковых государств, обладают традиционными историческими, культурными, хозяйственными связями с явными признаками взаимодополняемости.

Важным звеном проекта ЭПШП становится Экономический коридор Китай — Монголия — Россия, включающий две основных ветви:

Первая ветвь: Уланчаб, Эрэн-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия) — Улан-Батор, Сухэ-Батор (Монголия) — Улан-Удэ (Россия) — Транссибирская магистраль — Европа.

Вторая ветвь: Северо-Восточный регион Китая (Далянь, Шэньян, Чанчунь, Харбин, Маньчжоули) — Восточная и Западная Сибирь, Урал, Европа.

Территория монгольских степей и горных краев послужит связующим звеном масштабного хозяйственного коридора трех стран в таких сферах, как инфраструктура, транспорт, трансрегиональное сотрудничество, энергетическое взаимодействие, гуманитарные связи и пр. При этом Монголия обретает выход к морю, освобождается от внутриконтинентальной закрытости. Согласно видению авторов данной статьи, перспективы

ЭПШП, как и его важной составной части — Экономического коридора Китай — Россия — Монголия, весьма многообещающи и вполне реализуемы.

Черты сходства китайского и американского проектов

Нельзя не признать, что наряду с серьезными различиями китайский и американский проекты «нового Шелкового пути» имеют и черты сходства.

Во-первых, реализация обоих проектов разворачивается, в основном, в одном и том же регионе — в Центральной Азии.

Во-вторых, формально совпадают и стратегические цели, преследуемые обоими проектами: улучшение ситуации с региональной безопасностью в Центральной Азии через развитие экономики и торговли (для США при этом приоритетом пользуется Афганистан).

В-третьих, под конкретным содержанием сотрудничества в обоих проектах подразумевается строительство инфраструктуры и энергетика. Как в хозяйственных программах ЭПШП, так и в New Silk Road Initiative, делается акцент на экспорт-импорт углеводородов, там и там по ходу совершенствования инфраструктуры огромное внимание уделяется приумножению сети автомобильных и железных дорог, развитию авиаперевозок.

В-четвертых, оба проекта реализуются под патронатом крупных держав (КНР — в ЭПШП, США — в New Silk Road Initiative). А поскольку к двум проектам «нового Шелкового пути» добавился ЕврАзЭС, где «первую скрипку» играет Россия, налицо активизация большой игры в «треугольнике» США — Китай — Россия. Серьезным «игроком» здесь становится также и Индия, склонная взаимодействовать и с New Silk Road Initiative, и с ЕврАзЭС.

В-пятых, перед обоими проектами стоит ряд факторов и неопределенностей, им препятствующих. Например, согласно ранее оглашенным обещаниям экс-президента США Обамы, американские войска должны были быть выведены из Афганистана еще в 2014 г., но обещанное претворяется в жизнь лишь частично и с отсрочками. Ввиду изменения ситуации в сфере радикального исламизма на Среднем и Ближнем Востоке (включая воинственность запрещенного в России движения ИГИЛ), недавние расчеты, планы и намерения претерпевают изменения. Из-за изменения геополитической обстановки на Ближнем Востоке и украинского кризиса реализация проекта ЭПШП также сталкивается с вызовами и угрозами¹¹.

*

*

*

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что китайский Экономический пояс Шелкового пути и американский New Silk Road Initiative существенно различаются вопреки сходству их наименований. Сопоставление структурных особенностей делает правомерным такой вывод: ЭПШП более привлекателен и для Китая, и для сопредельных стран. Соответственно, он более перспективен.

(Перевел с китайского А.С. Крушинский)

1. Речь идет о караванном маршруте из Китая в Индию, на Ближний Восток и в Европу, возникшем во II в. до н.э. Начинаясь в г. Сиане, он в Дуньхуане раздваивался: северная ветка шла через Турфан и Памир в Фергану; южная — мимо озера Лоб-Нор по южной окраине пустыни Такла-Макан и Памир вела в Индию и на Ближний Восток. (Термин «Великий Шелковый путь» для обозначения этого караванного пути был введен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г. — *Прим. ред.*)

2. *Xi Jinhing*. Chuangxin hezuo moshi gongtung jianshe sizhouzhilu jingji dai : [Си Цзиньпин. Обновляя модель сотрудничества: сообща проложим Экономический пояс великого Шелкового пути] // Веб-портал Жэньминь жибао. 09.07.2013.
URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0907/c1024-22840801.html>.
3. «Альтернативный вариант» возрождения «Шелкового пути» родился в США еще до того, как Си Цзиньпин стал председателем КНР, а Х. Клинтон — госсекретарем США. Так, еще в 2009 г. в статье главы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса Ф. Стара была сформулирована задача превратить Афганистан в «круговую развязку на новом Шелковом пути... с шоссе и железными дорогами, ведущими на север, юг, восток и запад». — *Прим. ред.*
4. Его протяженность составляет, по некоторым расчетам, примерно 12 тыс. км.
5. Эту идею, предусматривающую прокладку не только сухопутных, но и морских маршрутов из портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского и Тихого океанов (как и через Северный Ледовитый океан до Европы), Си Цзиньпин презентовал в Индонезии осенью 2013 г. вслед за упомянутым выступлением в Университете Назарбаева. — *Прим. ред.*
6. Это, в целом, совпадает с усилиями России, предпринимавшимися как в дореволюционные, так и в советские времена. — *Прим. ред.*
7. Согласованные совместные формулировки относительно сотрудничества по проекту были зафиксированы в российско-китайском заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам визита В.В. Путина в КНР. «Россия считает важной инициативу Китая по формированию “Экономического пояса Шелкового пути” и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации, — отмечено в документе. — Стороны продолжают поиск путей возможного сопряжения проекта “Экономического пояса Шелкового пути” и создаваемого Евразийского экономического союза.
URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642). — *Прим. ред.*
8. Оуя жингжи. 2014. № 4. Р. 12.
9. Си Цзиньпин хуэйдянь Пудин цзунтун: [Си Цзиньпин встретился с президентом Путиным] // Синьхуа. 02.06.2014. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0206/c1024-24285729.htm>.
10. Доказанные запасы нефти в Центральной Азии близки к 27 млрд т (2-е место после запасов в Персидском заливе), запасы газа оцениваются в 5,5 трлн куб.м. На Казахстан приходится почти 25% мировых запасов урана, крупные месторождения которого есть также в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Благодаря распаду СССР Китай получил доступ к этим ресурсам (что является одной из первопричин его «экономического чуда»). — *Прим. ред.*
11. За ходом прокладки ЭПШП внимательно наблюдает научное сообщество РФ. Так, последние три номера ПДВ за 2016 г. содержали соответствующие предостережения: в статье главного научного сотрудника Тихоокеанского института географии Романова «Владивосток, Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси» обоснована политическая и экономическая целесообразность вовлечения в структуру ЭПШП Владивостокской агломерации и Транссиба; кандидат наук Е. Кранина в статье «Китай: ускорение строительства “экологической цивилизации”» (Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 102–111) пишет о правовых гарантиях того, чтобы производственные мощности, вывозимые Китаем в сопредельные страны вдоль «Шелкового пути», неукоснительно отвечали китайским же природоохранным нормам; а профессор Ю. Морозов в статье «Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США» (Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32–41) пишет, в частности, о нездоровой конкуренции, значительно ущемляющей политические и коммерческие интересы России на финишной стадии «Шелкового пути», где литовские и латвийские порты перехватывают у портов РФ грузы, прибывающие от берегов Тихого океана. — *Прим. ред.*